

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Конец 80-х - начало 90-х годов ознаменовались фундаментальными переменами в международной жизни. Всего лишь за 2-3 года были разрушены многие структуры, составлявшие основу системы международных отношений все годы после октябрьской революции в России и особенно в послевоенные десятилетия. Одновременно начал образовываться фундамент нового миропорядка, основу которого составляет политика конструктивного взаимодействия и партнерства в решении глобальных, региональных и иных проблем.

Крушение прежней системы международных отношений во многом обусловлено теми поистине революционными переменами, которые произошли в бывшем СССР и большинстве других стран также бывшего социалистического лагеря. Тоталитарный, командно-административный социализм, основанный на классовой конфронтационной идеологии, потерпел сокрушительное поражение. Вместе с ним потерпела поражение и прежняя система - антагонистическая система международных отношений.

Именно крайне идеологизированная внутренняя и внешняя политика СССР и других стран социализма была, как представляется, основным препятствием на пути к отказу от "холодной войны" и установлению, образно говоря, более "теплого климата" в международных отношениях. Конечно, были и пока остаются также другие причины и барьеры (например, различные национальные интересы), разделяющие государства и народы. Но идеологические барьеры были в XX веке, пожалуй, наиболее труднопреодолимыми.

Естественно, что такая высокочатратная и чрезвычайно опасная политика балансирования на грани войны и мира, рано или поздно должна была обанкротиться. Это, собственно говоря, и произошло на наших глазах несколько лет назад. По своим масштабам и воздействию на мир, крушение конфронтационной идеологии и политики относится,

пожалуй, к наиболее важным событиям XX века. Такие события не могут не оказывать глубокое воздействие на цивилизацию.

Ясно, что внешняя политика бывшего СССР, как и других соцстран, не могла не оказаться под мощным воздействием процессов, происходивших и продолжающихся происходить в мире. Так возникла необходимость замены прежней внешнеполитической доктрины на новую.

В то время как прежняя концепция внешней политики была основана главным образом на марксистско-ленинской идеологии со всеми вытекающими из нее хорошо известными принципами, мирным сосуществованием государств, относящимся к различным общественно-политическим системам; пролетарским и социалистическим интернационализмом; солидарностью с народами, борющимися за национальное и социальное освобождение, новая концепция, как считают ее авторы, характеризуется полной деидеологизацией внешнеполитической деятельности. Другие основы внешнеполитической доктрины прошлого - великодержавность и мессианство, также утратили то значение, которое они имели практически все годы советской власти, но особенно после второй мировой войны.

Попробуем же разобраться, хорошо или плохо то, что внешняя политика России утратила идеологическую основу? И возможна ли вообще у любого государства эффективная международная деятельность без идеологической основы?

На мой взгляд, отсутствие ясной современной идеологической основы пагубно влияет на внешнюю политику. Но эта основа должна быть адекватна времени, внутренним и международным реалиям. Был ли марксизм-ленинизм такой основой? Думаю, что только лишь частично. Другое дело идеология государственного, административно-командного социализма, которая уходила своими корнями в социалистическую теорию. Она действительно была фундаментом нашей дипломатии. И именно этот тип социализма наши внешнеполитические службы не только представляли и пропагандировали, но и стремились взрастить, где только возможно. Утверждая это, хочу обратить внимание на то, что,

несмотря на сходство, нельзя все же ставить знак равенства между марксизмом-ленинизмом и доктриной тоталитарного социализма, особенно в его сталинском варианте. Характерные особенности именно этого типа социализма, безусловно, сказывались как на стратегии внешней политики СССР, та и на формах и методах ее реализации.

Если согласиться с тезисом, что в основе внешней политики любого государства должна лежать идеология, а также долговременные национальные и прагматичные интересы конкретного исторического момента, если согласиться также с тем, что именно из этих элементов строится каркас дипломатического здания, то надо будет признать и следующее. Из названных трех элементов в сегодняшней внешнеполитической деятельности России достаточно ясно просматривается лишь один, последний из выше названных элементов - прагматические интересы страны. Это, конечно, немало, но достаточно ли? Уверен, что могиле скажут: вполне достаточно. Я же так не думаю. И вот почему. Без идеологической основы и долговременных национальных интересов внешняя политика не может быть устойчивой, она будет подвержена резким и частым колебаниям и по этой причине не сможет быть достаточно эффективной.

Что же делать, если от прежней идеологической основы мы оправданно отказались из-за ее неадекватности нашим нынешним историческим целям и условиям развития, а новую еще не разработали? И вообще: нужна ли новая? Может быть, основу этой новой идеологии должны составлять общечеловеческие ценности, универсальные для всего мира? В отдаленной перспективе развитие, вполне возможно, и приведет к этому, но сейчас, как мне кажется, России предпочтительнее иметь свою идеологию. Вопрос в том, может ли она в нынешних условиях иметь одну, государственную идеологию или их будет несколько и негосударственных. Ответить на этот вопрос однозначно сейчас невозможно. Ибо ответ зависит от многих обстоятельств: сохранится ли Россия как единое федеративное государство или распадется на несколько, которые затем образуют конфедерацию; какую роль в общественной жизни будет со временем играть религия и прежде всего христианская

и ислам; как далеко пойдет массовая приватизация собственности и какой характер она в конце концов примет - подлинно народный или частнокапиталистический и т.д.

Из тех идейных и политических страстей, которые сейчас кипят в российском котле, нередко перебегая через край, в конечном счете, как мне представляется, возникает интересный, даже уникальный готовый продукт. На мой взгляд, он будет замешан главным образом на дрожжах коллективной морали и собственности. Не "общенародной" или государственной собственности, а собственности малых, средних и больших коллективов, что сделает ее не бесхозной, как это было несколько советских десятилетий, а достаточно конкретной, адресной. Это будет больше соответствовать историческим традициям и национальному менталитету россиян, чем частнособственнический образ жизни, господствующий в большей части мира.

В будущей российской идеологии будут весьма сильны и элементы, а также некоторые ценности, характерные для современного постиндустриального общества: высокая роль средств массовой информации, технических средств, энерговооруженности, свободных нравов и т.д.

В целом же, повторяю, возникнет совершенно новая идеология, которая станет основой внутренней и новой внешней политики российского государства. Иными словами, до тех пор пока не выработается новая идеология, говорить о новой внешнеполитической доктрине едва ли будет возможно. Это, разумеется, не значит, что нельзя говорить о направлениях внешней политики. Они были, есть и будут. И задача состоит в том, чтобы эти направления были верны, особенно приоритетные. Уверен: одно лишь западное направление не принесет России искомых результатов. Не только потому, что она сама больше восточная страна, чем западная, но и потому, что Восток быстро догоняет и перегоняет Запад в своем развитии. Учитывая географию, традиционность связей, национальные интересы и т.д., России (особенно с точки зрения ее экономических интересов) выгодно смотреть как на Запад, так и на Восток. Но нельзя пренебрегать также Югом и Севером. Из этого вытекает, что Россия должна быть страной открытой всему миру.

* * *

Итак, если подвести некоторый итог сказанному, то надо будет прежде всего указать на следующее.

1. У нынешней России нет и по объективным причинам не может быть современной концепции внешней политики. Для такой концепции не выработалась еще новая идеологическая основа, не сформировались еще новые национальные и государственные интересы. Пока только мелется та мука, из которой будет испечен хлеб. Это не означает, что у России нет направлений внешнеполитической деятельности. Они есть. Из прозападных они в последние полгода превратились в диверсифицированные, что больше соответствует особенностям страны.

2. Основой современной внешнеполитической деятельности российского МИДа составляет прагматизм. В нынешней ситуации это оправдано. Но прагматизм бывает разный. Проамериканская ориентация - тоже прагматизм, но усеченный. Полномасштабный прагматизм для внешней политики России предпочтительнее. Это предполагает наличие в ней трех сильных векторов: западного, восточного и южного. Насчет приоритетности и важности каждого из этих векторов можно спорить. Думаю, что это зависит от конкретных исторических условий и задач, решаемых внутри страны.

Прагматизм сам по себе может быть лишь относительно прочной основой для эффективной внешней политики. Но кроме него нужны еще идеологическая основа и учет долгосрочных национальных интересов. Разработка их потребует времени. Пока они разрабатываются страна в целом и ее внешнеполитические ведомства должны адаптироваться к сложностям общества, открытого миру.

3. Обоснованный отказ от марксистско-ленинской идейной основы во внутренней и внешней политике, в сочетании с распадом СССР и реальной угрозой распада России, а также глубоким экономическим кризисом привели к тому, что от великодержавности и мессианства бывшего СССР практически ничего не осталось. Судя по всему, новая Россия не скоро будет в состоянии выполнять великодержавные или миссионерские функции. Во-

первых, потому, что это требует мощной современной экономической базы, которой у России сейчас нет, а, во-вторых, потому, что этим функциям требуется новое идейное наполнение, которого тоже еще нет. Со временем, как мне представляется, появится и новая мощная экономическая база и новое идейное наполнение российского мессианства. Тогда и наступит момент, когда можно будет утверждать: у России есть новая концепция внешней политики.

